

Н.А. Трубицина, Г.Н. Попова
N.A. Trubitsina, G.N. Popova

**СЕМАНТИКА ЗВУКА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА
«АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ»**

**SEMANTICS OF SOUND IN THE STORY BY I.A. BUNIN
"ANTONOV APPLES"**

Рассказ И.А. Бунина «Антоновские яблоки» стилистически обозначит тот уникальный вектор творчества писателя, который связан с категорией памяти и особенностями бунинской этнопоэтики. Общеизвестно, что структурообразующим началом художественного метода писателя является чувственное восприятие. Бунин придавал особое значение каждому физическому ощущению, в том числе звучанию окружающего мира. С опорой на диссертационное исследование К.В. Дьяковой в рассказе рассмотрено несколько типов художественных звукообразов: объективный, запечатлевающий в звуке бытие объектов реальной действительности; субъективный (антропологический), описывающий звуки, издаваемые непосредственно героями, и сопутствующие им интегральные звуковые образы; космический (метафизический), объединяющий звуки, служащие авторскому толкованию законов вселенной, смысла существования, философских основ поэтики. В процессе анализа было выяснено, что семантика звука в рассказе «Антоновские яблоки» отражает основное содержание каждой из четырех глав произведения. Голоса природы, речь персонажей, бытовые звуки, музыка – все это напрямую соотносится с настроением рассказчика и его видением процесса постепенного угасания мелкопоместных дворянских гнезд, но не утрате этнокультурной традиции в целом. Художественные звукообразы служат раскрытию национального миропонимания, основанного на незыблемых ценностях русской духовности.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Антоновские яблоки», семантика звука, художественный звукообраз.

The story by I.A. Bunin "Antonov Apples" stylistically denotes that unique vector of the writer's work, which is associated with the category of memory and the peculiarities of Bunin's ethnopoetics. It is generally recognized that the structure-forming principle of the writer's artistic method is sensory perception. Bunin attached special importance to each physical sensation, including the sound of the surrounding world. Based on the dissertation research of K.V. Dyakova, several types of artistic sound images are considered in the story: objective, capturing in sound the existence of objects of reality; subjective (anthropological), describing the sounds made directly by the characters, and the integral sound images accompanying them; cosmic (metaphysical), uniting sounds that serve the author's interpretation of the laws of the universe, the meaning of existence, and the philosophical foundations of poetics. In the process of analysis, it was found out that the semantics of sound in the story "Antonov Apples" reflects the main content of each of the four chapters of the work. The voices of nature, the speech of the

characters, everyday sounds, music - all this directly correlates with the mood of the narrator and his vision of the process of gradual extinction of small landed gentry nests, but not the loss of ethnocultural tradition as a whole. Artistic sound images serve to reveal the national worldview based on the unshakable values of Russian spirituality.

Key words: I.A. Bunin, "Antonov Apples", semantics of sound, artistic sound image.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-63-4-66-73

Рассказ «Антоновские яблоки» является одним из самых известных и любимых читателями произведений И.А. Бунина. Относящийся к раннему творчеству (1900 г.), он, по мнению многих исследователей, стилистически обозначит тот уникальный вектор творчества писателя, который связан с категорией памяти и особенностями бунинской этнопоэтики. Ю.В. Мальцев отмечает: «Бунин впервые сознательно прибегает к построению, основанному не на хронологической последовательности, а на технике ассоциаций, свойственной обычно поэтическому тексту – своего виртуозного завершения эта техника у Бунина достигает в повести "Суходол", где субстанцией рассказа тоже будет память» [3, 85–86].

О.Ю. Юрьева, анализируя «Антоновские яблоки» в контексте русского национального понимания категории «соборности», пишет: «Соборное сознание, отразившееся в произведениях Бунина, основывается на единстве православной веры, бытовых реалий крестьянского и помещичьего мира и русской природы. В этих сферах соборного бытия содержатся опорные национальные образы-символы и архетипы, определяющие особенности этнопоэтики рассказа и характеризующие "культурное бессознательное" Бунина» [5, 271].

Общепризнано, что структурообразующим началом художественного метода писателя является чувственное восприятие. Бунин придавал особое значение каждому физическому ощущению, в том числе звучанию окружающего мира. Прослеживая коннотативно-экспрессивное звуковое наполнение пространства «Антоновских яблок», О.Ю. Юрьева заметит: «Фонестемный компонент носит ярко выраженную национальную окраску, вызывая в сознании определенные звуковые ассоциации, создает акустический рисунок прошлого, его идеофон, раскрывающий опорные авторские идеи» [5, 280].

Композиционное разделение рассказа на четыре главы, по мнению О.Ю. Юрьевой, определяется символизацией осенних периодов. «Герой переживает разные периоды осени, но в символической временной парадигме он проживает целую жизнь. Это не только четыре периода осени, это четыре главных периода в жизни человека: детство, юность, зрелость, старость. Так соединились в композиции рассказа ранняя осень, почти еще лето, и детство героя – в первой главе; яркая осенняя пора и юность – во второй главе; осень зрелости – в третьей и предчувствие старости, глубокая осень, почти зима – в четвертой главе» [5, 289–290]. Если принять такой композиционный нарратив за «опорную авторскую идею», то звуковой фон каждой структурной части, так или иначе, должен ей соответствовать.

К.В. Дьякова в своем научном исследовании «Своеобразие звукового пространства художественной прозы Е.И. Замятина» выделяет следующие типы образов звучания: объективный, запечатлевающий в звуке бытие объектов реальной действительности; субъективный (антропологический), описывающий звуки, издаваемые непосредственно героями, сопутствующие им интегральные звуковые образы; космический (метафизический), объединяющий звуки, служащие авторскому толкованию законов вселенной, смысла существования, философских основ поэтики [2, 6].

К метафизическим звуковым образам К.В. Дьякова относит тишину, и это, пожалуй, единственный звукообраз данного плана, который встречается в рассказе «Антоновские яблоки». Тишину как космический звукообраз можно определить как состояние, полное

великой тайны вечного бытия. Эта семантика тишины особенно полно раскроется в поздних произведениях Бунина (рассказ «Ночь», цикл «Темные аллеи» и др.), где будет сделан акцент «на иррациональном восприятии бытия», заострении «внимания на остальных чувственных переживаниях», обозначения «временной дистанции между событием и рассказом о нем» [6, 91]. В «Антоновских яблоках» тишина еще не выводит героя за пределы физического времени и пространства; она здесь скорее «тишь» в значении «покой, умиротворенность». Поэтому выражается чаще прилагательными и наречиями «тихо», «тихий».

В первой главе это «раннее, свежее, тихое утро», «прохладная тишина утра». Утреннюю тишину тоже условно-символически можно отнести к началу чего-либо – суток, ранней осени, жизни. И нарушается она звуками мирными, спокойными: «И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкий стук сыпаемых в меры и кадушки яблок» [1, 162]. Объективные звукообразы этого фрагмента, а также «скрип телег», в которые грузят яблоки, и «поскрипывание» обозы, везущего эти яблоки в город, отражают полноту, самодостаточность деревенского быта. Наполнение мер и кадушек яблоками – это увеличение, прибавление, нарастание как улучшение качества народного бытия в отличие от убывания и ухудшения чего-либо. Здесь это символ изобилия, богатства, достатка нехитрой крестьянской жизни, которая на данный момент очень хороша.

Даже в «сытом квохтанье дроздов» чувствуется некая избыточность, царящая в природе и мире. А игра торговца-мещанина на тульской гармонике, «смех и говор» возле его шалаша, а иногда и «топот пляски», добавляет в звуковую атмосферу изобилия еще и мотив радости, праздника.

Нарушающий деревенскую звуковую гармонию звук поезда в первой части «Антоновских яблок» не выступает репрезентантом одной из частей распространенной бинарной оппозиции «природа – технический прогресс» или «деревня – город». «Долго прислушиваемся и различаем дрожь в земле, дрожь переходит в шум, растет, и вот, как будто уже за самым садом, ускоренно выбивают шумный такт колеса: гроыхая и стуча, несется поезд... ближе, ближе, все громче и сердитее... И вдруг начинает стихать, глоснуть, точно уходя в землю...» [1, 164]. Это одна из тех бунинских «избыточных» художественных деталей в тексте произведения, о чем часто писали буниноведы. Здесь нет авторской оценочности; этот звукообраз просто расширяет общий звуковой фон, а также звук, издаваемый поездом, выступает как сигнал-побуждение, заставляющий героя-рассказчика еще раз нарушить ночное спокойствие сада выстрелом из одностволки, которую держит мещанин для острастки воров: «Багровое пламя с оглушительным треском блеснет к небу, ослепит на миг и погасит звезды, а бодрое эхо кольцом грянет и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая в чистом и чутком воздухе» [1, 164]. «Оглушительный треск» выстрела не имеет здесь негативной коннотации.

«– Ух, здорово! – скажет мещанин. – Потращайте, потращайте, барчук, а то просто беда! Опять всю дулю на валу отрясли...» [1, 164].

Объективные голоса в первой части рассказа представлены только двумя персонажами – рассказчиком и торговцем-мещанином, который «торгует с шуточками, прибаутками». «Мужик, насыпающий яблоки, ест их сочным треском одно за одним, но уж таково заведение – никогда мещанин не оборвет его, а еще скажет:

– Вали, ешь досыта, – делать нечего! На сливанье все мед пьют» [1, 162]. Наличие в речи мещанина диалектизмов свидетельствует о намерении автора показать человека из народа, но не идеализируя его. Как бы не от чистого сердца, а по заведенной традиции, угощает мещанин мужика. Ироничным видится и упоминание брата-идиота, который помогает мещанину в торговле, но считается, что «живет у него "из милости"».

Герой-рассказчик показан в диалоге с этим самым мещанином:

«– Это вы, барчук? – тихо окликает кто-то из темноты.

– Я. А вы не спите еще, Николай?

– Нам нельзя-с спать. А, должно, уж поздно? Вон, кажись, пассажирский поезд идет...»

<...>

– А где у вас ружье, Николай?

– А вот возле ящика-с» [1, 164].

Судя по речи, перед нами воспитанный молодой человек, который не прочь еще пошалить как в детстве, выстрелить просто так из ружья, и которому еще так «хорошо жить на свете!» [1, 164]. Этими словами заканчивается первая часть.

Вторая часть в плане художественного пространства рассказа – это расширение локации яблоневого сада до топосов усадьбы и деревни. Воспоминания героя-рассказчика снова начинаются с раннего утра: «На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно в прохладный сад» [1, 164]. Крик петуха на заре имеет богатую народно-фольклорную и религиозно-мифологическую символику. По народным поверьям, с первым криком петуха исчезают ночные злые духи, а для христиан это символ искупления, связанный с покаянием и прощением апостола Петра. В «Антоновских яблоках» этот художественный звукообраз имплицитно вбирает в себя приведенные значения, но уже ассимилированные народной этнокультурой. Здесь крик петуха возвещает о приходе нового дня и служит ориентиром времени, сигналом пробуждения.

Следующий звукообраз второй части тоже связан с птицей: «Если же год урожайный и на гумнах возвышается целый золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо» [1, 165]. Гусь, как и петух, в мировой мифологии и народном фольклоре очень распространенный символ. В русской этнокультуре гусь олицетворяет «бдительность, болтливость, любовь, счастье в браке, верность» [4].

Вкладывал ли автор в этот звуковой образ подобный смысл? Нам видится, что благодаря следующему объективному звукообразу – колокольному звону – и описанию счастливой деревенской жизни, общая картина дополняется и складывается: «Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальный благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашную рубаху, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковками. Если же, думалось, к этому прибавить здоровую и красивую жену в праздничном уборе, да поездку к обедне, а потом обед у бородатого тестя, обед с горячей бараниной на деревянных тарелках и с ситниками, с сотовым медом и брагой, – так больше и желать невозможно!» [1, 165].

В описании помещицкой усадьбы тетки Анны Герасимовны превалирует сенсорный код «цвет». Дом старой помещицы описан Буниным в мельчайших деталях и красках. Художественными звукообразами здесь выступают лишь «покашливание» тетки при выходе к гостям и «бесконечные разговоры про старину, про наследства» [1, 166]. Это дополнение к образной характеристике Анны Герасимовны – женщины сраросветской, «небольшой» и «прочной», «как и все кругом».

Дается во второй главе и диалог барина со старым крестьянином:

«– И когда это ты умрешь, Панкрат? Небось тебе лет сто будет?

– Как изволите говорить, батюшка?

– Сколько тебе годов, спрашиваю! - А не знаю-с, батюшка.

– Да Платона Аполлоныча-то помнишь?

– Как же-с, батюшка, – явственно помню. – Ну, вот видишь. Тебе, значит, никак не меньше ста» [1, 165]. Этим диалогом подтверждается мысль автора о том, что «старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, – первый признак богатой деревни» [1, 165].

Таким образом, присутствующие во второй части рассказа звуковые образы и мотивы раскрывают выразительные детали национальной культуры (мотивы крика петуха, гусей, колокольного звона). Через разговорную речь персонажей входит в повествование мотив старины, соприкосновения поколений, что является залогом передачи социального

опыта из «рода в род», а это, в свою очередь, гарантией сохранения этнокультурных традиций и непреходящих ценностей народа.

Третья глава сразу начинается с контраста – сейчас не так, как прежде. «Нет троек, нет верховых "киргизов", нет гончих и борзых собак, нет дворни и нет самого обладателя всего этого – помещика-охотника, вроде моего покойного шурина Арсения Семеныча» [1, 168]. Если о смерти Анны Герасимовны мы узнаем только в конце рассказа, то об Арсении Семеныче сразу же дважды («нет обладателя» и «покойного») оговорено – его уже нет в живых. Уже из четвертой главы мы узнаем, что Арсений Семенович застрелился.

Воспоминания уносят рассказчика в то время, когда усадьба живет еще в полном достатке. Она полна гостей, мелкопоместных дворян, доживающих свои последние времена «на широкую ногу». Здесь шумно из-за хмельных разговоров об охоте. Ведут их после сытного обеда «люди загорелые, с обветренными лицами, в поддевках и длинных сапогах» [1, 169]. Охота и карты – основной вид развлечения и досуга мелкопоместных. Помимо прочего, много выпивалось спиртного; как отмечает автор, не забывают они «допивать водку и после обеда».

И без того шумная атмосфера помещичьего дома обостряется револьверным выстрелом и визгом собаки. Черный борзой, «любимец Арсения Семеновича», «взлезает на стол и начинает пожирать с блюда остатки зайца под соусом» [1, 169]. Хозяин стреляет, но промахивается; но он сильно испугал животное, которое «испускает страшный визг». «Зала еще более наполняется дымом, а Арсений Семеныч стоит и смеется.

– Жалко, что промахнулся! – говорит он, играя глазами» [1, 169].

Объективные звукообразы, т.е. связанные с речью персонажей, в третьей главе дополняют образную характеристику хозяина усадьбы: «Он высок ростом, худощав, но широкоплеч и строен, а лицом – красавец цыган. Глаза у него блестят дико, он очень ловок, в шелковой малиновой рубаше, бархатных шароварах и длинных сапогах. Напугав и собаку и гостей выстрелом, он шутливо-важно декламирует баритоном:

Пора, пора седлать проворного донца

И звонкий рог за плечи перекинуть! –

и громко говорит:

– Ну, однако, нечего терять золотое время!» [1, 169].

Говорит Арсений Семеныч «шутливо-важно» и «громко». Он чувствует себя хозяином положения. Стихотворение А. Фета «Псовая охота», которое цитирует этот персонаж, служит претекстом к дальнейшему описанию охоты в «Антоновских яблоках».

Уже давно, осыпавшись с вершин,

Осинников редеез глужь густая

Над гулками извивами долин

И ждез рогов да заливноз лая.

<...>

«Отбей собак! Скачи наперерез!»

И красныз верх папахиз вдаль помчался;

Но уж давно весь голосистый лес

На злобный лай стократно отозвался.

Звуковые мотивы фетовского стихотворного текста переходят в бунинский прозаический нарратив. «Едешь на злом, сильном и приземистом "киргизе", крепко сдерживая его поводьями, и чувствуешь себя слитым с ним почти воедино. Он фыркает, просится на рысь, шумно шуршит копытами по глубоким и легким коврам черной осыпавшейся листвы, и каждый звук гулко раздается в пустом, сыром и свежем лесу. Тявкнула где-то вдалеке собака, ей страстно и жалобно ответила другая, третья – и вдруг весь лес загремел, точно он весь стеклянный, от бурного лая и крика. Крепко грянул среди этого гама выстрел – и все «заварилось» и покатилося куда-то вдаль.

– Береги-и! – завопил кто-то отчаянным голосом на весь лес» [1, 170].

«Береги» на охотничьем языке означает «не зевай», это возглас, обращенный к борзятнику, на которого пошел зверь. О.Ю. Юрьева замечает: «Захватывающее чувство восторга, приятное возбуждение охватывают участников действия. Не случайно слово "охота" обозначает в русском языке еще и желание, страсть, стремление к чему-то. Ритуал охоты позволяет человеку ясно почувствовать полноту жизни, слияние с миром природы» [5, 287]. Молодой герой-рассказчик вовлечен в это действо, он тоже чувствует себя частью этого слаженного охотничьего коллектива. «А, береги!» – мелькнет в голове опьяняющая мысль. Гикнешь на лошадь и, как сорвавшийся с цепи, помчишься по лесу, уже ничего не разбирая по пути... Выскочишь из лесу, увидишь на зеленях пеструю, растянувшуюся по земле стаю собак и еще сильнее наддашь «киргиза» наперерез зверю, – по зеленям, взметам и жнивьям, пока, наконец, не перевалишься в другой остров и не скроется из глаз стая вместе со своим бешеным лаем и стоном» [1, 170].

Охота могла длиться несколько дней. И не считалось странным, что «вваливается ватага охотников в усадьбу какого-нибудь почти незнакомого холостяка-помещика и наполняет шумом весь двор усадьбы» [1, 170]. И снова с утра охота, а вечером традиционное шумное гулянье с обильной едой и выпивкой: «Все ходят из комнаты в комнату в расстегнутых поддевах, беспорядочно пьют и едят, шумно передавая друг другу свои впечатления над убитым матерым волком» [1, 170].

Но случалось герою-рассказчику «проспать» выезд на охоту, и тогда почти незнакомая усадьба оставалась у него в полном распоряжении. Звуковой атмосфере охоты и гулянья противопоставляется утренняя атмосфера старого помещичьего дома. «Во всем доме – тишина. Слышно, как осторожно ходит по комнатам садовник, растапливая печи, и как дрова трещат и стреляют. Впереди – целый день покоя в безмолвной уже по-зимнему усадьбе» [1, 171]. Такая мирная атмосфера располагает к спокойному времяпрепровождению, и герой идет в библиотеку, увлекается чтением: «Кукушка выскакивает из часов и насмешливо-грустно кукует над тобою в пустом доме» [1, 171]. Однако бой часов здесь не членит время; он даже не прерывает литературных штудий героя.

Погружение в поэтическое прошлое настолько глубоко, что этот «насмешливо-грустный» звук становится частью вечности, как существующий в этом доме всегда, как признак его постоянства и глубокой укорененности в отечественной этнокультуре. Как дополнительный признак звуковой гармонии герою с грустью вспомнилась бабушка, «ее полонезы на клавикордах, ее томное чтение стихов из "Евгения Онегина"» [1, 172].

«Золотая пора» уходит и из природы, и из дворянских усадеб. Осень переходит в свою последнюю стадию, близится зима. Близится и окончательное разорение дворянского сословия. «Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства!.. Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!» [1, 172]. Это утверждение повторит автор и еще раз: «Иногда заедет какой-нибудь мелкопоместный сосед и надолго увезет меня к себе... Хороша и мелкопоместная жизнь!» [1, 173]. В четвертой части «Антоновских яблок» автор как бы ищет оправдания тому, что жизнь все же хороша. Она уже другая, но остается в ней то незыблительное, неистребимое, что составляет основу русского национального культуры.

Тепло и уют еще присутствуют в доме героя-рассказчика. Поздняя осень требует своей организации семейного быта, поэтому уже вставили зимние рамы в окна, а в лакейской работник затопляет печь. «Потом иду в людскую. Там светло илюдно: девки рубят капусту, мелькают сечки, я слушаю их дробный, дружный стук и дружные, печально-веселые деревенские песни...» [1, 173]. «Дробный», «дружный» стук слаженной работы – признак раз и навсегда заведенного, установленного порядка, который можно разрушить только вместе с целостной крестьянской культурой.

Деревенский труд роднит мелкопоместных дворян и крестьян. Поздняя осень – время молотбы. «– С богом! – говорит подавальщик, и первый пук старновки, пущенный на пробу, с жужжаньем и визгом пролетает в барабан и растрепанным веером возносится из-

под него кверху. А барабан гудит все настойчивее, работа закипает, и скоро все звуки сливаются в общий приятный шум молотбы. Барин стоит у ворот риги и смотрит, как в ее темноте мелькают красные и желтые платки, руки, грабли, солома, и все это мерно двигается и суетится под гул барабана и однообразный крик и свист погонщика» [1, 174]. Звуковой фон отражает всю ту же слаженность совместной крестьянской работы, ее «приятность», угодность Богу, единство народного мировосприятия.

Оксюморон «печально-веселые» в отношении звучания народных песен свидетельствует о том, что Бунин, вслед за А.С. Пушкиным, сумел определить два эмоциональных полюса русского музыкального фольклора:

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

«Сердечная тоска» слышится в песне мелкопоместных, которые «как в прежние времена», съезжаются друг к другу, «пьют на последние деньги, по целым дням пропадают в снежных полях. А вечером на каком-нибудь глухом хуторе далеко светятся в темноте зимней ночи окна флигеля. Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара...

На сумерки буен ветер загулял,
Широки мои ворота растворял, –

начинает кто-нибудь грудным тенором. И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с грустной, безнадежной удалью:

Широки мои ворота растворял,
Белым снегом путь-дорогу заметал...» [1, 174].

О.Ю. Юрьева считает, что «фольклорная символика песни маркирует мотив безнадежности, пронизывающий последнюю главу рассказа. Сумерки – это не время суток, а время заката дворянских усадеб, дворянского сословия, многие представители которого славно и честно послужили России. "Буен ветер" готов безжалостно разметать по свету представителей мелкопоместных, рассеять остатки их гнезд. Известно, что открытые ветром ворота предвещали беду: "К покойнику", – говорили в народе. А "белый снег" ассоциируется в фольклоре и в литературе с образом смертного савана. Заметенная снегом «путь-дорога» символизирует не просто "бездорожье", но безысходность, конечность пути. Зловещий профетический смысл "снежной символики" раскроется в исторической перспективе» [5, 294].

Но, на наш взгляд, рассмотренные О.Ю. Юрьевой символы, такие как «буен ветер», «широки ворота», «белый снег» имеют амбивалентные значения, и в «Антоновских яблоках» не отражают мотивов безнадежности и безысходности в даже вместе с «грустной, безнадежной удалью». Это скорее тот вариант пушкинской «сердечной тоски», который в музыке заостряется на эмоциональном уровне и перерождается в чувства светлые, катарсические. Пение мелкопоместных в творчестве Бунина все равно имеет открытую аллюзию на исполнительскую манеру отца, который, по словам самого писателя, никогда не унывал.

Таким образом, семантика звука в рассказе «Антоновские яблоки» отражает основное содержание каждой из четырех глав произведения. Голоса природы, речь персонажей, бытовые звуки, музыка – все это напрямую соотносятся с настроением рассказчика и его видением процесса постепенного угасания мелкопоместных дворянских

гнезд, но не утрате этнокультурной традиции в целом. Художественные звукообразы служат раскрытию национального мирообраза, основанного на незыблемых ценностях русской духовности.

1. Бунин И.А. Антоновские яблоки // Собр. соч.: в 6 т. М., 1994. Т. 1.
2. Дьякова К.В. Своеобразие звукового пространства художественной прозы Е.И. Замятина: автореф. дисс... к. филол. наук. Тамбов, 2011.
3. Мальцев Ю.В. Иван Бунин. Франкфурт-на-Майне. М., 1994.
4. Николаев П. Гусь – символ бдительности, любви, хорошей хозяйки. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/215165-gus-simvol-bditelnosti-lyubvi-horoshej-hozyajki> (дата обращения: 01.09.2024).
5. Юрьева О.Ю. Категория соборности в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» // Вопросы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 271–297.
6. Фиш М.Ю. Сенсорные коды поэтики цикла рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи»: дисс. ... к. филол. наук. Воронеж, 2009.